

Крылов В. Н.

ЮБИЛЕЙНЫЕ РЕЧИ О ГОГОЛЕ 100 ЛЕТ НАЗАД

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 80-82. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Итоговая форма контроля - зачёт - включает в себя теоретическую (развёрнутые ответы на предложенные вопросы) и практическую (работа с фрагментом текста) части. При этом студенты должны знать содержание художественных произведений, иметь представление об основных литературоведческих и критических работах по дисциплине; включать творчество детских писателей в контекст русской и мировой литературы с учётом течений и направлений; владеть навыками целостного анализа художественного произведения, подтверждая теоретические положения примерами из текста (с обязательным цитированием стихотворений наизусть).

Список использованной литературы

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 2000. 472 с.

ЮБИЛЕЙНЫЕ РЕЧИ О ГОГОЛЕ 100 ЛЕТ НАЗАД

Крылов В. Н.

Казанский государственный университет

Устроенные повсеместно в России 20 марта 1909 г. гоголевские торжества сопровождались огромным потоком *юбилейных речей*, которые произносились в Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе, Варшаве, Симбирске, Казани и многих других городах: в Обществе любителей российской словесности, университетах, гимназиях, кадетских корпусах и т.д.

Ко времени юбилея благодаря Розанову и символистам была во многом сломана прежняя парадигма его истолкования и оценки: начался пересмотр взгляда на гоголевское наследие и его отношение к русской литературе XIX в., акцентировался трагизм мироощущения писателя, признавалось его языковое своеобразие, давалась переоценка и идеологических аспектов его творчества.

Юбилейная речь как ораторский жанр связана с традицией похвального слова, похвальной речи. По своей жанровой прагматике юбилейная речь, как правило, включает изложение позитивного вклада личности в культуру, подчеркивает современное значение данного события. Применительно к жизни литературы юбилейные речи представляют собой обычно популяризацию результатов достигнутого историей литературы и критикой в изучении писателя, хотя были и речи переломные в истории понимания (речь Достоевского и др.). В жанрово-стилистической основе юбилейные выступления сближаются с т.н. эпидейктической речью - торжественной, произносимой в особо торжественных ситуациях, для нее характерны двойственность оценочного суждения (в контексте истории и современности), острая публицистичность, обращенность к адресату-слушателю.

Уже *заглавия* юбилейных речей, наряду со спокойно-академическими («Эволюция художественного творчества Гоголя», «О комизме Гоголя», «Гоголь и Московский университет» и др.), подчеркивали значимость для современности, притягательность его личности («Гоголь и Россия», «Творческие муки Гоголя», «Знаем ли мы Гоголя?», «Испепеленный», «Значение творчества Гоголя для общественного самосознания» и др.).

Сформулированные в рамках модернистской критики новые интерпретации Гоголя, тем не менее, не стали доминирующими, особенно в массовой публике. Поэтому подавляющее число юбилейных выступлений продолжало позитивистские традиции культурно - исторической и психологической школ, причудливо соединенных с новыми веяниями. Для ораторов типичны ссылки на В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Котляревского, А. Н. Пыпина, С. А. Венгерова и других, вплоть до парафраза на мотивы их работ. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение - речь «Гоголь как писатель-реалист», прочитанное кадетом 7 класса Кастринским, содержит большой «кусочек» о «Старосветских помещиках»: «Возьмите его «Старосветских помещиков». Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни, это- забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы невольно чувствуем симпатию к этим людям...» [Празднование..., 1909, с. 9]. Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя». «Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям проницательностью подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке...» (из сочинения кадета). «Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев: это чувство- привычка» [Белинский, 1988, с. 147].

Авторы некоторых выступлений вступают в полемику с «новой» критикой. Директор одной из гимназий Варшавского учебного округа защищает имя Гоголя: «В день юбилейного торжества 20 марта сего года в авторитетной русской газете...появилась статья под заглавием «Гений формы», в которой автор, небезызвестный критик, литератор, и философ, проводит мысль, что в произведениях Гоголя нет глубокого, серьезного содержания, что слава его как гения покоится исключительно на форме, - на необычайно увлекательном, захватывающем рассказе... Другой публицист той же газеты в статье «Драма Гоголя» самоуверенно

заявляет: «Теперь для всех давно бесспорно, что Гоголь в своем творчестве искажил Россию и, любя ее, оклеветал». Ложные, досадные суждения» [Памяти Гоголя, 1909, с. 51] (речь шла о статьях В. В. Розанова и М. О. Меньшикова).

Однако и в юбилейные речи проникали элементы новых психологизированных и мифопоэтических истолкований. В сборнике «Три юбилейные речи», изданном в Казани, находим речь, произнесенную в 3-й казанской гимназии В. Брюхановым, где, хотя и без розановского парадоксализма, утверждается, что настоящее время мы можем принять наименование «гоголевского периода» «лишь со значительными оговорками» [Три юбилейные речи, 1909, с. 21]. Говоря о международном и вневременном значении Гоголя, автор цитирует из «Вечных спутников» Мережковского рассуждение о произведениях, которые «служат для человечества как бы просветами, громадными окнами в бесконечное звездное небо». К аргументам из концепции Мережковского прибегает и автор еще одной варшавской речи: «Гоголь испугался... тьмы и очутился, по удачному сопоставлению современного критика Мережковского, в положении, до некоторой степени напоминающем положение Ивана Федоровича Карамазова, ведущего борьбу с чертом, в котором олицетворена отрицающая идеал человеческая пошлость» [Там же, с. 96]. Но все же это не меняло общей направленности трактовок Гоголя.

Торжественные речи произносились не только светскими людьми, но и духовенством. В слове духовных лиц тоже звучала *полемика* по отношению к голосам людей, которые, как говорил в своей речи в Одессе профессор богословия А. М. Клитин, «хотели отнять у него и душу, и сердце, и божественное пламя таланта»: «Мы не дадим ему Иудиного лобзания, ласково целуя его именами: мистик, психопат, нервно-больной человек и проч.... Мы почтим и прославим своего писателя как литературного гения, как писателя народного, как горячего патриота, как воспитателя юношества, как глубоко верующего и преданного сына Православной Церкви [Сборник..., 1909, с. 8].

В «духовных» речах, безусловно, подчеркивалась заслуга Гоголя не столько как писателя, сколько обращалось внимание на черты его жизни как христианина. В этой связи осмыслился и поздний этап его жизни. В речи перед служением панихиды по Гоголю в Симбирске говорилось, что «благодаря обстоятельствам последних лет жизни, его коренные религиозные убеждения обнаружили не принужденное, полнее, во всей своей силе, при иных условиях мы, может быть, и не узнали бы о том, насколько позволительно считать Николая Васильевича носителем христианских идей» [Празднование..., 1909, с. 3].

В юбилейных выступлениях на первый план выходит соотнесение идейного содержания наследия Гоголя с современной общественной ситуацией, наступившей после первой русской революции, появления сборника «Вехи»¹. В творчестве Гоголя находятся ответы на волнующие общество вопросы.

Одной из наиболее ярких речей московских дней стало выступление философа Е. Н. Трубецкого «Гоголь и Россия». В Гоголе, по Трубецкому, выразились «не те или другие преходящие черты эпохи, а сверхвременная сущность нашего народного характера», «потому в них до сих пор мы можем читать печальную повесть не только о нашем прошлом, но и о настоящем России. В них все полно неумирающего значения» [Гоголевские дни в Москве, 1910, с. 116]. Интересно обыгрывание образа тройки в новом историческом контексте, когда жизнь вносит дополнения в гоголевский текст: «Три года тому назад пророчество как будто бы сбылось. Тогда действительно тройка закусила удила, подхватила экипаж, сбивала с ног прохожих и наводила ужас на соседей своим молниеносным движением... Верные национальному инстинкту кони мчались без возницы, не зная ни дисциплины, ни удержа... Беспорядочная скачка кого потоптала, кого устрасила. Тут, к великой радости испуганных обывателей, тройку поймала твердая, но грубая рука. С тех пор она покорно возит казенную корреспонденцию» [Там же, с. 117-118, 124].

Но следует отметить, что оценки общественного значения Гоголя полны и общих речевых клише: «учитель земли русской», «идеал учителя горькой жизненной правды», «учитель-гуманист», «поэт жизненной правды» и т.д. Крайности подобных «общественных» интерпретаций были иронически высмеяны в ряде фельетонов (В. Воровский «После юбилея», А. Амфитеатров «Гоголевы дни»). Риторика демократической поэзии весьма характерна и для такого феномена юбилейных торжеств, как массовые любительские стихи памяти Гоголя².

Сквозной мотив речей - оценка *мирового* значения Гоголя. Это признание звучит как в отечественных речах, так и приглашенных европейских гостей (М. де Вогиюз, Л. Леже, Г. Брандес и др.). Мельхиор де Вогиюз, автор исследования «Русский роман», высказал мысль об универсализме гоголевского гения, преодолевающего национальные границы. Гоголь явился «родоначальником той великой литературной школы, которая «своим глубоко правдивым изображением всего отличительно русского дала возможность Западной Европе понять русскую жизнь и оценить русскую душу» [Там же, с. 147].

Взгляд на гоголевские торжества сквозь призму устного публичного слова позволяет уточнить представления о новых гранях восприятия писателя в начале XX века в контексте общественной проблематики, литературного самосознания, процессов закрепления статуса классиков русской литературы и т.д.

¹ Показательно, что знаменитый сборник выходит в свет накануне юбилея - 16 марта, за 2 дня было распродано 2853 экземпляра.

² См. начало одного из гимназических стихотворений: Он был тоскующим поэтом, / Хотя был смех его мечтой. / Он ведал горечь злых мгновений, / Когда бессилье откровений / Заре, горящей за чертой, / Он слал единственным ответом... // Гоголевский праздник всех учебных заведений города Тифлиса 26 апреля 1909 г. Тифлис, 1909. С. 7.

Список использованной литературы

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. 653 с.
2. Гоголевские дни в Москве. М., 1910. 336 с.
3. Н. В. Гоголь. Три юбилейные речи. Казань, 1909. 51 с.
4. Памяти Гоголя. Празднование столетней годовщины со дня рождения Н. В. Гоголя в учебных заведениях Варшавского учебного округа. Варшава, 1909. 410 с.
5. Празднование столетия со дня рождения Н. В. Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. Симбирск, 1909. 33 с.
6. Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909. 126 с.

СЧАСТЬЕ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*Кузнецова Е. В.**Магнитогорский государственный университет*

Проблема семейных отношений в романе «Идиот» остается на периферии научных исследований этого произведения. В последнее время аксиологический подход применяется в литературоведческих анализах достаточно активно, но по-разному. В одном только Магнитогорском университете работают исследователи, которые практикуют использование принципиально различных возможностей аксиологии [Власкин, 2002, с. 46-54]. В настоящей статье мы будем ориентироваться на представления А. П. Власкина, который, в частности, предлагает дифференцировать аксиологические ориентиры по трем уровням: "Одними человек руководствуется непосредственно; они - постоянные регуляторы его поведения, даже на уровне инстинктов. Их мы считаем аксиологическими *нормами*. Другие человек лишь имеет в виду, сознательно или подсознательно. Он к ним стремится и надеется их достичь. Это собственно *ценности*, причем любого рода. И наконец, ориентиры высшего порядка, далеко не каждому доступные, - это *идеалы*" [Власкин, 2008, с. 32-41].

Для данной статьи мы ограничиваем внимание преимущественно двумя семьями в романе "Идиот" - Епанчиными и Иволгиными. Они самим Достоевским описаны наиболее подробно. К тому же две эти семьи явно сориентированы друг на друга и взаимоотражаются, как в кривом зеркале.

Сопоставительный анализ в аксиологическом аспекте двух этих семейств позволяет прояснить важные нюансы.

Возьмем для примера семейную ценность - личное и взаимное счастье. Для Епанчиных эта ценность - решающая: общее душевное благополучие напрямую связано с полноценным личным счастьем каждого. Например, они многим готовы жертвовать ради общей любимицы Аглаи (сестры согласны на неравномерное приданое; родители идут на риск светского неодобрения в виду "невозможного" жениха Мышкина). Постоянные переживания Елизаветы Прокофьевны связаны с ее сомнениями относительно счастья дочерей: "Смотря на дочерей своих, она мучилась подозрением, что беспрерывно чем-то вредит их карьере, что характер ее смешон, неприличен и невыносим, - за что, разумеется, беспрерывно обвиняла своих же дочерей и Ивана Федоровича и по целым дням с ними ссорилась, любя их в то же время до самозабвения и чуть не до страсти" [Достоевский, 1974, с. 271].

В таком отношении матери к дочерям выражается не просто типичный родительский инстинкт. Любовь к ним у Елизаветы Прокофьевны по-разному окрашена, имеет свои нюансы. Это хорошо видно на примере такого фрагмента: "Наконец взошло было солнце и для ее материнского сердца; хоть одна дочь, хоть Аделаида будет наконец пристроена. /.../ За Аглаю она более всех пугалась. Кстати сказать, насчет старшей, Александры, Лизавета Прокофьевна и сама не знала, как быть: пугаться за нее или нет? /.../ Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночам" [Там же, с. 272].

На первый взгляд может показаться, что в этой семье забота родителей о дочерях заменяет супружеские чувства, и тогда семейное счастье не может считаться настоящей ценностью. Действительно, Елизавета Прокофьевна чаще всего критикует супруга, ведет себя как тиранка. В результате и с его стороны по отношению к жене выражается чаще всего страх в очередной раз вызвать ее гнев. Однако всё это компенсируется пусть редкими, но тем более выразительными эпизодами не просто супружеской гармонии, но настоящей взаимной любви. Например, заходит у них тревожный разговор о будущем муже для дочери Александры: "Только дай ей бог не такого, как вы, Иван Федорыч, - разрывалась, наконец, как бомба, Лизавета Прокофьевна, - не такого в своих суждениях и приговорах, как вы, Иван Федорыч; не такого грубого грубияна, как вы, Иван Федорыч... - Иван Федорович спасался немедленно, а Лизавета Прокофьевна успокаивалась после своего разрыва. Разумеется, в тот же день к вечеру она неминуемо становилась необыкновенно внимательна, тиха, ласкова и почтительна к Ивану Федоровичу, к "грубому своему грубияну" Ивану Федоровичу, к доброму и милому, обожаемому своему Ивану Федоровичу, потому что она всю жизнь любила и даже влюблена была в своего Ивана Федоровича, о чем отлично знал и сам Иван Федорович и бесконечно уважал за это свою Лизавету Прокофьевну" [Там же, с. 273].

В свою очередь, дочери отвечают родителям не менее выразительной любовью. Среди них самая независимая, даже эгоистичная, часто вздорная и тем не менее общая любимица Аглая доходит иногда до того, что строит планы покинуть семью. Аглая в разговоре с ним аргументирует своё решение так: "Я не хочу по их